
Там, где заканчивается свет
Иногда, чтобы найти своё счастье,
нужно отпустить прошлое...

Крис Си

Там, где занакчивается свет

«Автор»
2026

Си К.

Там, где занакчивается свет / К. Си — «Автор», 2026

У каждого воспоминания есть свой запах. У дождя — свой звук. У любви — свой способ оставаться, даже когда человека больше нет рядом.Бель фотографирует мир, словно пытается сохранить то, что однажды может исчезнуть. Она привыкла доверять снимкам больше, чем собственной памяти.Но что делать, когда память начинает рассказывать две разные истории?В одной есть дом, любимый человек и жизнь, в которой всё кажется правильным. В другой — тишина после потери и неожиданная близость, к которой Бель совсем не была готова.Между ними — сны, дождливые вечера, фотографии и чувства, для которых не существует правильных названий.Можно ли любить, не отпуская прошлого? Начать жить заново, не предав того, кого потерял? И существует ли правильный выбор, если сердце помнит больше, чем одна жизнь?Некоторые истории заканчиваются не тогда, когда гаснет свет. Иногда именно в темноте начинается самое важное.

© Си К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 6
Пролог 7
Глава 1 9
Глава 2 13
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 30
Глава 6 35
Глава 7 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Крис Си
Там, где занакчивается свет

Крис Си

Там, где заканчивается свет
роман

Содержание

Пролог
Глава 1. Обыкновенность счастливых дней
Глава 2. У привычного мира есть трещины
Глава 3. То, что мы оставляем после себя
Глава 4. Там, где заканчиваются слова
Глава 5. То, что не принадлежит этому миру
Глава 6. То, что кажется знакомым
Глава 7. Память вещей
Глава 8. Пустые места
Глава 9. Там, где меня не ждут
Глава 10. Человек по ту сторону тишины
Глава 11. Память, которой не хватает
Глава 12. Пока ты не вернулась
Глава 13. Следы, которые остаются
Глава 14. После чужого присутствия
Глава 15. Чужая жизнь
Глава 16. Тишина между словами
Глава 17. Среди тех, кто ещё не ушёл
Глава 18. То, что остаётся после вечера
Глава 19. Маленькие расстояния
Глава 20. Имена, которые мы сохраняем
Глава 21. Расстояние между ладонями
Глава 22. Когда заканчиваются причины
Глава 23. Кожа помнит тепло
Глава 24. То, что становится привычным
Глава 25. Год спустя
Глава 26. Человек, которого ты помнишь
Глава 27. Никто не знает, сколько длится вечность
Глава 28. Обещание, которое нельзя забрать
Глава 29. Чужая жизнь
Глава 30. Ночь, в которой никто не приходит
Глава 31. Пока длится тишина
Глава 32. Там, где заканчивается свет

Пролог

Дождь начался ещё до рассвета.

Он шёл почти бесшумно, оставляя на оконном стекле тонкие извилистые дорожки. За окном всё казалось немного размытым: крыши соседних домов, голые ветви деревьев, припаркованные вдоль тротуара автомобили. Город просыпался нехотя, укрытый низкими серыми облаками.

Бель нравилась такая погода.

В подобные утра время словно теряло свою привычную торопливость. Не нужно было никуда спешить, отвечать на сообщения или вспоминать о делах, которые ещё вчера казались чрезвычайно важными. Можно было просто лежать, слушать дождь и смотреть, как бледный свет постепенно заполняет комнату.

Она перевернулась на другой бок, натянула одеяло до подбородка и прикрыла глаза.

Из кухни доносился негромкий звон посуды.

Тим всегда просыпался раньше неё. Даже в выходные, когда не было никакой необходимости вставать по будильнику, он умудрялся находить себе занятие. Иногда это была уборка, иногда приготовление завтрака, а порой он просто ходил по квартире с чашкой кофе, открывая окна, потому что ему казалось, будто дома недостаточно свежего воздуха.

Сегодня, судя по запаху, он решил приготовить что-то посерьёзнее обычного завтрака.

Бель улыбнулась, уткнувшись носом в подушку.

Ей нравилось просыпаться под звуки чужого присутствия. Не обязательно разговаривать, не обязательно даже видеть друг друга. Достаточно было знать, что за стеной кто-то двигает стулья, открывает шкафчики, негромко ругается на заевший ящик. Из таких мелочей, вероятно, и складывалось то, что люди называли совместной жизнью.

Она ещё немного полежала, прежде чем окончательно выбраться из постели.

В коридоре было прохладно. Бель поёжилась, натягивая рукава слишком большой домашней кофты. Проходя мимо зеркала, мельком взглянула на своё отражение и остановилась, чтобы пригладить волосы. Сонные глаза, припухшие веки, след от подушки на щеке. Ничего особенного.

На кухне Тим стоял спиной к ней. За окном, прямо над его плечом, покачивались мокрые ветви старой яблони. На столе лежала раскрытая книга, рядом с ней — телефон и наполовину опустевшая чашка кофе.

Он что-то читал с таким сосредоточенным видом, будто от содержания страницы зависело решение чрезвычайно важного вопроса.

Бель подошла ближе и заглянула ему через плечо.

— Опять?

Тим обернулся, и уголки его губ едва заметно приподнялись.

Она имела в виду книгу. Он, разумеется, прекрасно это понял.

Впрочем, объясняться никто не собирался.

Бель забралась на свободный стул, поджала под себя ногу и потянулась к чашке. Кофе оказался именно таким, каким она любила: не слишком горячим, с небольшим количеством молока. Тим всегда запоминал подобные мелочи, хотя сам утверждал, что у него отвратительная память.

За завтраком они почти не разговаривали. Иногда тишина между двумя людьми бывает куда приятнее любого разговора, особенно если её не приходится заполнять из вежливости. Тим листал что-то в телефоне, Бель наблюдала за дождём и время от времени отламывала кусочки тоста.

На подоконнике стояла небольшая керамическая ваза с засохшими цветами. Их следовало выбросить ещё неделю назад, но Бель всё откладывала. Ей нравилось, как они выглядели на фоне окна, даже несмотря на то, что давно потеряли свой цвет.

— Кстати, мама вчера звонила, — произнёс Тим, убирая телефон.

Бель подняла глаза.

Он рассказал о воскресном приглашении, и она согласилась почти сразу. Потом они ещё немного поговорили о предстоящей неделе, о покупках, о какой-то мелочи, которую Тим обещал починить уже несколько дней.

Ничего особенного.

Впрочем, именно такими и были их разговоры чаще всего.

Позже, когда Тим ушёл в душ, Бель осталась на кухне одна.

Она собрала посуду, протёрла стол и открыла окно на несколько сантиметров. В комнату проник запах мокрой земли и холодного воздуха. Где-то во дворе хлопнула дверь подъезда, следом послышались чьи-то торопливые шаги.

Бель задержалась у окна.

Ей нравилось смотреть на людей, которые куда-то спешили. Особенно в дождливые дни, когда прохожие прятали лица в воротники пальто, торопливо перебегали дорогу и раскрывали зонты, едва переступив порог подъезда. У каждого из них, вероятно, было своё маленькое утро, свои заботы и планы. Кто-то опаздывал на работу, кто-то возвращался домой, кто-то встречался с человеком, которого давно хотел увидеть.

Она подумала, что вечером нужно купить клубнику.

Тим наверняка снова скажет, что она выбирает самые дорогие ягоды, а потом сам съест половину.

Эта мысль почему-то показалась ей особенно приятной.

Когда Бель вернулась в комнату, он уже вышел из душа. Влажные волосы слегка завивались на концах, а на плечах висело полотенце. Он что-то искал в шкафу, время от времени отодвигая в сторону её вещи.

Она остановилась в дверях, наблюдая за ним.

Бывают люди, чьё присутствие со временем перестаёшь замечать не потому, что они становятся менее важными, а потому, что превращаются в нечто само собой разумеющееся. Как свет в окне напротив, как скрип половиц в коридоре, как чашка, которую всегда ставят на одну и ту же полку.

Тим обернулся и, заметив её взгляд, вопросительно поднял бровь.

Бель покачала головой, улыбнулась и подошла ближе.

За окном всё ещё шёл дождь.

И в тот день ничто не предвещало, что когда-нибудь ей захочется вернуться в это самое утро, услышать знакомый звон посуды, почувствовать запах кофе и увидеть его стоящим у открытого шкафа.

Наверное, счастье всегда немного похоже на прощание. Просто в тот момент, когда оно происходит, мы ещё не знаем, что именно запоминаем.

Глава 1

Обыкновенность счастливых дней

У Бель была странная привычка откладывать хорошее на потом.

Новую книгу она берегла для поездки, красивое бельё — для особенного вечера, дорогую свечу — для случая, который непременно должен был оказаться достойным её запаха. Даже любимый парфюм она использовала не каждый день, считая, что некоторые вещи требуют подходящего настроения.

Тим однажды назвал это преступлением против удовольствия. По его мнению, не существовало ничего глупее, чем ждать подходящего момента для того, чтобы съесть хороший десерт или надеть красивую одежду.

Бель тогда долго спорила с ним, но в конце концов всё равно оставила новую свечу на полке.

Она вообще редко меняла свои привычки.

В их квартире существовал негласный порядок, который никто никогда не устанавливал, но оба соблюдали. Ключи всегда лежали в небольшой деревянной чаше у входа. Тим занимал правую сторону кровати, Бель — левую. Пульт от телевизора почти неизменно оказывался под диванной подушкой, а зарядное устройство от её телефона почему-то постоянно перекочёвывало в его рабочий кабинет.

Всё имело своё место. Даже беспорядок.

В тот день дождь закончился ближе к обеду. Небо постепенно светлело, и сквозь облака пробивалось солнце, оставляя на стенах комнаты неровные прямоугольники света.

Бель сидела на полу возле открытого шкафа. Перед ней лежали несколько вещей, которые она собиралась разобрать ещё с прошлого месяца. В руках была светлая рубашка, купленная спонтанно во время одной из прогулок по торговому центру. Она нравилась ей ровно настолько, чтобы не выбрасывать, но недостаточно, чтобы надевать.

— Ты опять занимаешься бесполезными вещами?

Тим появился в дверях с телефоном в руке.

Бель даже не подняла головы.

— Я занимаюсь организацией пространства.

— Ты сидишь на полу уже сорок минут.

— Это часть процесса.

Он посмотрел на разбросанные вещи, затем на неё. Судя по выражению лица, убедить его в целесообразности происходящего было непросто.

Тим вообще относился к вещам гораздо проще. Если предмет переставал выполнять свою функцию, он отправлялся в мусорное ведро. Если одежда становилась мала, её отдавали. Если что-то ломалось, он либо чинил это сразу, либо избавлялся от него.

Бель же могла хранить старый билет из кинотеатра несколько лет, совершенно не помня, какой именно фильм смотрела в тот вечер.

Ей нравилось, когда у вещей была история.

Возможно, именно поэтому их шкафы никогда не выглядели так аккуратно, как ему хотелось.

— Мы собираемся сегодня выходить? — спросила она, наконец складывая рубашку.

— А ты хочешь?

— Не знаю. Можно куда-нибудь сходить.

— Очень конкретный план.

Бель подняла на него глаза.

— Я предлагаю тебе проявить инициативу.

— То есть придумать, куда мы пойдём, найти место, забронировать столик и ещё угадать, что ты захочешь заказать?

— Ты быстро учишься.

Тим рассмеялся и исчез за дверью.

Она услышала, как он прошёл в гостиную, включил телевизор и устроился на диване. Через несколько секунд раздался звук уведомления на его телефоне.

Бель вернулась к вещам.

Ей нравилось наблюдать за Тимом, когда он не знал, что на него смотрят. В такие моменты он казался особенно естественным. Мог разговаривать сам с собой, хмуриться над какой-нибудь новостью, по несколько раз перечитывать одно и то же сообщение. Иногда, увлёкшись чем-то, забывал о приготовленном чае и обнаруживал его только тогда, когда тот успевал остыть.

У него было множество маленьких особенностей, которые вряд ли кто-нибудь другой счёл бы примечательными.

Бель знала их почти наизусть.

К трём часам они всё-таки выбрались из дома.

Тим настоял на том, чтобы сначала заехать в магазин, поскольку холодильник, по его словам, находился в состоянии, близком к гуманитарной катастрофе. Бель не стала спорить. Она давно поняла, что некоторые вопросы лучше не обсуждать, особенно если речь шла о продуктах и его способности превращать обычную покупку молока в полноценную экспедицию.

В торговом центре было многолюдно. После дождя люди словно решили наверстать упущенное время: заполнили кафе, магазины и широкие коридоры, оставляя за собой шлейфы духов и влажной одежды.

Бель шла немного впереди, время от времени останавливаясь возле витрин. Тим нёс корзину и терпеливо ждал, пока она закончит рассматривать очередную совершенно ненужную вещь.

В отделе с книгами она задержалась дольше обычного.

На одной из нижних полок стояло несколько романов в одинаковых обложках. Бель провела пальцами по корешкам, вытащила один том и прочитала аннотацию.

— У тебя дома ещё три непрочитанные, — напомнил Тим.

— Четыре.

— Тем более.

Она обернулась и улыбнулась.

— Ты мог бы хотя бы иногда поддерживать мои увлечения.

— Я их поддерживаю. Просто не понимаю, зачем покупать новые книги, если ты ещё не прочитала старые.

— Чтобы было из чего выбирать.

— Логично.

Он произнёс это с такой серьёзностью, что Бель не удержалась от смеха.

Книгу она всё-таки купила.

Впрочем, Тим даже не попытался её отговорить. Он только забрал пакет, когда они вышли из магазина, и привычным движением переплёл свои пальцы с её.

На улице уже почти не осталось следов утреннего дождя. Воздух стал мягче, а между облаками появлялись небольшие участки голубого неба. Бель предложила пройтись пешком до ближайшей кофейни, и Тим согласился.

Они шли медленно, не особенно торопясь куда-либо.

Иногда Бель рассказывала ему о вещах, которые давно собиралась сделать. О поездке, которую хотелось организовать следующим летом, о новой стрижке, о том, что неплохо было

бы переставить мебель в гостиной. Тим слушал, задавал вопросы и время от времени вставлял замечания, которые заставляли её менять первоначальные планы.

Она любила строить их совместное будущее из таких разговоров.

Они редко обсуждали его всерьёз. Скорее, собирали по кусочкам, словно большой пазл, который можно было достать в любой момент и продолжить с того места, на котором остановились.

В следующем году они хотели сменить квартиру. Когда-нибудь — завести собаку. Ещё позже — отправиться в путешествие, не привязываясь к датам и заранее купленным билетам.

Бель нравилось думать, что у них впереди достаточно времени.

В кофейне оказалось свободно только возле окна.

Тим заказал себе американо, Бель — латте и десерт, который собиралась взять ещё с того момента, как увидела фотографию в меню. Они устроились за небольшим столиком, откуда было хорошо видно улицу.

Она рассказывала ему о новой книге, периодически отвлекаясь на прохожих. Тим слушал вполуха, рассматривая что-то в телефоне. На его лице появилось то самое выражение сосредоточенности, которое Бель уже успела заметить утром.

— Ты меня вообще слушаешь?

Он поднял глаза.

— Конечно.

— И о чём я говорила?

— О книге.

— Великолепно.

— О которой ты собираешься прочитать первые двадцать страниц, потом отложить её на месяц, а после рассказать мне, что автор совершенно не умеет писать.

Бель медленно поставила вилку на тарелку.

— Я ненавижу, когда ты прав.

— Знаю.

Она потянулась через стол и забрала у него сахарницу, хотя прекрасно знала, что он не собирался добавлять сахар в кофе.

Тим улыбнулся.

За соседним столиком сидела пожилая пара. Женщина что-то рассказывала, активно жестикулируя, а мужчина смотрел на неё с таким вниманием, словно слышал эту историю впервые. Время от времени он поправлял ей шарф, который постоянно сползал с плеча.

Бель задержала на них взгляд.

Ей всегда нравились такие пары. Не те, которые демонстративно держались за руки или обменивались громкими признаниями, а те, чья близость давно перестала нуждаться в подтверждении. В их движениях было что-то спокойное, почти незаметное. Казалось, они научились понимать друг друга без лишних слов.

Она невольно посмотрела на Тима.

Он как раз убирал телефон в карман.

— Что?

— Ничего.

— Ты сегодня часто говоришь «ничего».

— Потому что ничего не происходит.

Тим усмехнулся и протянул руку через стол. Бель вложила в неё свою ладонь.

На улице проехал автобус, ненадолго закрыв собой солнечный свет. В кофейне стало чуть темнее, потом снова посветлело.

Бель доела десерт и пожалела, что не заказала второй.

Тим, разумеется, предложил поделиться своим, хотя сам уже успел съесть почти половину.

Она согласилась.

Домой они вернулись ближе к вечеру.

Покупки заняли больше времени, чем планировалось, а по дороге Тим ещё умудрился встретить знакомого, с которым они простояли возле входа в магазин добрых пятнадцать минут.

Бель успела замёрзнуть, устать и несколько раз пожалеть, что не осталась дома.

Теперь она лежала на диване, положив голову Тиму на колени. Он листал книгу, которую нашёл на полке, а свободной рукой лениво перебирал её волосы.

За окном постепенно темнело.

На кухне тикали часы. Где-то в соседней квартире работал телевизор, и сквозь стену доносились обрывки чужих разговоров. В комнате горела только настольная лампа, оставляя остальное пространство в мягком полумраке.

Бель смотрела на потолок.

Ей вдруг вспомнилось, что завтра нужно позвонить в салон, записаться к стоматологу и ответить на сообщение подруги, которое она оставила без ответа ещё утром. Мысли медленно сменяли друг друга, не задерживаясь ни на одной достаточно долго, чтобы вызвать желание подняться с дивана.

Она перевернулась на бок и придвинулась ближе.

Тим опустил книгу, чтобы посмотреть на неё.

В его взгляде не было вопроса. Он просто коснулся губами её лба и снова вернулся к чтению.

Бель закрыла глаза.

В такие минуты ей казалось, что жизнь наконец приобрела правильную форму. Не идеальную, не безупречную, но именно такую, в которой ей хотелось оставаться. С её бесконечными списками дел, непрочитанными книгами, остывающим кофе и человеком, который всегда занимал слишком много места в кровати.

Она не думала о будущем.

По крайней мере, не сейчас.

Ей было достаточно того, что за окном медленно наступал вечер, на кухне оставались немытые чашки, а Тим время от времени переворачивал страницы своей книги.

Обыкновенный день подходил к концу.

И никто из них не знал, сколько таких дней ещё впереди.

Глава 2

У привычного мира есть трещины

Утро началось с того, что Бель не смогла найти крышку от объектива.

Она обнаружила это уже на улице, когда, стоя под козырьком подъезда, привычным движением потянулась к сумке. Внутри лежали запасная карта памяти, несколько чеков, смятая упаковка жевательной резинки и блокнот с заметками, которые она давно собиралась перенести в компьютер. Крышки не было.

Бель закрыла глаза и на несколько секунд прислушалась к шуму дождя.

— Только не говори, что ты опять забыла что-то дома.

Тим стоял на ступеньку выше, держа в одной руке бумажный стаканчик с кофе, а другой придерживая дверь. На нём было тёмное пальто, расстёгнутое у воротника, и шарф, который Бель подарила ему прошлой зимой. Он завязал его кое-как, оставив один конец заметно длиннее другого. Она поправляла его уже столько раз, что в какой-то момент решила: возможно, именно так ему и нравится.

— Я ничего не забыла, — ответила она.

Тим посмотрел на сумку.

— Конечно.

— Я просто не могу найти крышку.

— То есть забыла.

Она бросила на него взгляд, но спорить не стала. Тим протянул ей кофе. Он всегда покупал ей один и тот же — с дополнительным молоком и без сиропа, хотя сам считал, что кофе должен быть крепким настолько, чтобы после него хотелось пересмотреть жизненные решения.

Бель сделала глоток и снова заглянула в сумку.

— Она была здесь.

— Может, ты её съела?

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Он улыбался, и в этой улыбке было что-то обезоруживающее: лёгкая насмешка, совершенно лишённая злости, и привычка смотреть на неё так, словно даже самые незначительные неприятности становились немного интереснее, если происходили с ней.

В конце концов крышка обнаружилась в кармане её пальто.

Тим не сказал ни слова. Только поднял брови.

Бель отвернулась к улице, делая вид, что рассматривает проезжающие машины.

В следующие несколько недель дни складывались в последовательность небольших дел, встреч и возвращений домой.

Бель работала фотографом в небольшой студии, которую делила с визажисткой и ещё двумя девушками. Помещение находилось на втором этаже старого здания с высокими окнами и скрипучим деревянным полом. Зимой там было холодно, летом — душно, а в особенно солнечные дни свет ложился на белые стены так щедро, что приходилось закрывать часть окон плотными шторами.

Ей нравилось приходить пораньше.

В пустой студии всё казалось немного другим. Пространство ещё не успевало наполниться чужими голосами, запахами косметики и торопливыми просьбами сделать ещё один кадр. Можно было спокойно расставить оборудование, проверить свет, переставить стул на несколько сантиметров и подолгу смотреть на то, как меняется изображение в объективе.

Бель любила этот короткий промежуток между подготовкой и началом съёмки. Момент, когда всё ещё могло получиться совершенно по-разному.

В тот четверг она фотографировала девушку с короткой стрижкой и родинкой над верхней губой. Та всё время смеялась, отворачивалась от камеры и просила показать снимки после каждого дубля. Бель терпеливо объясняла, что лучше подождать, пока они закончат, но в какой-то момент всё же повернула монитор.

На экране девушка выглядела иначе. Не красивее и не хуже — просто спокойнее. В её лице появилось что-то такое, чего она сама, кажется, не замечала.

— Это действительно я? — спросила она.

Бель чуть улыбнулась.

— А кто же ещё?

Девушка долго рассматривала фотографию, а потом попросила отправить именно её.

После съёмки Бель ещё некоторое время сидела перед монитором, просматривая отснятый материал. Ей нравилось находить кадры, которые получались случайно. Не самые технически правильные, не те, что можно было бы поставить на обложку портфолио, а те, в которых человек на секунду забывал о том, что его снимают.

Иногда именно в такие моменты получалось увидеть больше всего.

Она открыла следующий файл, задержала курсор над изображением и вдруг поняла, что уже несколько секунд смотрит на одну и ту же фотографию.

За окном проехал автобус. Кто-то хлопнул дверью в коридоре. В соседнем помещении засмеялись.

Бель моргнула, вернулась к работе и продолжила отбор.

Тим проводил большую часть рабочего времени в архитектурном бюро, расположенном в стеклянном здании неподалёку от центра. Его стол почти всегда был завален бумагами, распечатками и образцами материалов, которые он приносил с собой после встреч с заказчиками.

Бель однажды сказала, что по его рабочему месту можно восстановить ход всех его мыслей за последние полгода.

Тим ответил, что тогда ей придётся нанять археолога.

Он любил свою работу, хотя никогда не говорил об этом с особенным пафосом. Ему нравилось, когда из множества линий, расчётов и бесконечных обсуждений постепенно возникало что-то настоящее. То, к чему можно было прикоснуться, вокруг чего можно было ходить, в чьих окнах однажды зажжётся свет.

Впрочем, дома он редко вспоминал о чертежах.

По вечерам Тим предпочитал заниматься чем-нибудь совершенно не связанным с архитектурой. Мог часами возиться с кофемашиной, которую никто не просил ремонтировать, или внезапно решать, что кухонному шкафу необходимо новое крепление. Иногда он покупал продукты, из которых собирался приготовить что-нибудь сложное, а потом обнаруживал, что в рецепте не хватает половины ингредиентов.

Бель обычно находила его на кухне с телефоном в руке и выражением человека, столкнувшегося с серьёзной инженерной проблемой.

— Что случилось?

— У нас нет лимона.

— И?

— Я не могу продолжать.

Она смеялась, а он смотрел на неё с совершенно серьёзным видом.

— Не вижу, что здесь смешного.

В тот вечер они всё-таки обошлись без лимона.

В одну из суббот они встретились с друзьями в небольшом ресторане, куда Тим давно хотел попасть. Он пришёл раньше Бель и успел занять столик у окна. Когда она появилась, он уже разговаривал с официантом и, заметив её, поднял руку.

Бель сняла пальто и повесила его на спинку стула. Волосы, которые она утром аккуратно уложила, успели немного растрепаться от ветра. Она провела ладонью по затылку, пытаясь вернуть им прежний вид, но Тим лишь придвинул к ней меню.

— Я заказал тебе воду.

— Ты мог хотя бы спросить, хочу ли я воду.

— Ты всегда хочешь воду.

— Это не отменяет вопроса.

— Хорошо. Хочешь воду?

Она посмотрела на него поверх меню.

— Не разговаривай со мной.

Тим тихо рассмеялся и откинулся на спинку стула.

За столом говорили о работе, ремонте, чьём-то предстоящем отпуске и фильме, который никто так и не смог досмотреть до конца. Тим рассказывал историю о заказчике, который несколько месяцев требовал изменить проект, а затем вернулся к первоначальному варианту, заявив, что именно этого и хотел с самого начала.

Он рассказывал хорошо. Не торопился, делал паузы в нужных местах, менял интонацию и умел выдержать молчание ровно столько, чтобы окружающие начинали улыбаться ещё до того, как он доходил до самой смешной части.

Бель слушала его, иногда отвлекаясь на разговоры других людей. Несколько раз она ловила себя на том, что смотрит не на того, кто говорит, а на Тима.

Он жестикулировал, когда увлекался, и слегка наклонял голову, если хотел что-то уточнить. На переносице оставался едва заметный след от очков, которые он обычно носил за компьютером. В такие вечера он выглядел особенно довольным собой — не из-за внимания окружающих, а просто потому, что ему нравилось находиться среди людей.

Позже, когда они вышли на улицу, Тим предложил пройтись пешком.

Воздух был прохладным, асфальт блестел после недавнего дождя. В витринах отражались фонари, и прохожие торопились мимо, пряча лица в воротники.

Бель достала телефон и сделала несколько снимков.

— Ты опять фотографируешь лужи?

— Это не просто лужи.

— А что?

— Отражения.

Тим остановился рядом и посмотрел на экран.

— По-моему, лужи.

— У тебя совершенно отсутствует воображение.

— Зато у меня есть жена-фотограф. Кто-то в этой семье должен сохранять связь с реальностью.

Она убрала телефон, но улыбка ещё долго не сходила с её лица.

Иногда Бель казалось, что самые счастливые дни невозможно отличить друг от друга.

Они не имели особых названий, не требовали фотографий на память и редко оставляли после себя что-то, кроме нескольких случайных деталей. Пакет с продуктами, забытый на кухонном столе. Чужой свитер на спинке дивана. Два стакана в раковине. Запах шампуня в ванной, который Тим почему-то всегда расходовал быстрее неё.

В один из вечеров Бель решила разобрать фотографии на компьютере. Она давно откладывала эту задачу, и теперь папки с названиями вроде «новая съёмка», «новая съёмка 2» и «точно последняя» занимали почти всю рабочую область.

Тим устроился рядом с ней на диване, читая что-то в телефоне.

— Ты когда-нибудь наведёшь здесь порядок? — спросил он, заглянув в монитор.

— Когда-нибудь.

— Удивительно. У тебя для всего есть это слово.

— Потому что оно очень удобное.

— А если я скажу, что завтра выброшу всё, что не подписано?

Бель повернулась к нему.

— Попробуй.

— Я так и думал.

Она снова посмотрела на экран. В одной из папок обнаружилась серия фотографий, сделанных несколько недель назад. На первой была чашка кофе, на второй — окно студии, на третьей — чья-то рука, лежащая на подоконнике.

Бель пролистала дальше.

На последнем снимке был Тим.

Он сидел за кухонным столом, слегка наклонившись над телефоном. Свет от окна падал на его плечо, оставляя половину лица в тени. Фотография получилась не совсем резкой, и композиция была далека от идеальной.

Она не помнила, когда именно сделала этот кадр.

— Что там? — спросил Тим.

— Ты.

Он отложил телефон и придвинулся ближе.

— Я хорошо получился?

— Не очень.

— Тогда зачем хранишь?

Бель пожала плечами и закрыла фотографию, прежде чем он успел рассмотреть её внимательнее.

— Не знаю.

Тим потянулся за пультом и включил телевизор. Через несколько минут они уже смотрели какой-то фильм, который оба собирались посмотреть давно, но так и не смогли вспомнить его название.

Бель положила голову ему на плечо.

За окном медленно темнело. В соседнем доме одно за другим загорались окна, и в каждом, казалось, происходило что-то своё, отдельное от всего остального мира.

Она слушала, как Тим негромко комментирует происходящее на экране, чувствовала под щекой мягкую ткань его свитера и думала о том, что завтра им нужно будет купить кофе, забрать посылку и, возможно, наконец разобрать фотографии.

Обычные дела.

Обычные планы.

И вечер, который ничем не отличался от многих других.

Только на этот раз Бель почему-то долго не хотелось засыпать.

* * *

Сначала Бель не поняла, который час.

За окном было светло, но свет этот ничего не обещал. Он лежал на стенах бледным, почти бесцветным пятном, не согревая комнату и не прогоняя темноту из углов. Небо затянуло низкими облаками. Где-то за стеклом шумели машины, иногда слышались голоса прохожих, но все эти звуки казались одинаково далёкими, будто происходили не на улице, а по другую сторону толстого стекла.

Она некоторое время лежала неподвижно, глядя в потолок.

На потолке было небольшое пятно. Чуть правее люстры. Бель смотрела на него так долго, что постепенно перестала различать его очертания.

В комнате пахло пылью и чем-то едва уловимо сладким. Воздух казался застоявшимся. Хотелось открыть окно, но даже эта мысль требовала усилий, которые почему-то не находились.

Она повернула голову.

На соседней половине кровати лежало смятое одеяло.

Бель задержала на нём взгляд, затем медленно отвела глаза.

В квартире было тихо. Не той уютной тишиной, которая возникает ранним утром, когда город ещё не успел проснуться и можно позволить себе несколько лишних минут под одеялом. Это была другая тишина. Глухая, плотная, лишённая ожидания. В ней не было ни предстоящих разговоров, ни шагов в соседней комнате, ни звука открывающегося кухонного шкафа.

Только холодильник время от времени начинал гудеть, а трубы в ванной отзывались коротким металлическим щелчком.

Бель села на кровати и потёрла лицо ладонями.

На прикроватной тумбочке стоял стакан с водой. Рядом лежали телефон, несколько блистеров и книга, раскрытая на середине. Страницы немного загнулись по краям. Она не помнила, когда в последний раз брала её в руки.

Телефон показывал несколько уведомлений. Ничего важного.

Она провела пальцем по экрану, открыла одно сообщение, закрыла его, затем зачем-то проверила время.

День уже давно начался.

Впрочем, это ничего не меняло.

В ванной зеркало встретило её отражением, которое Бель не сразу узнала. Не потому, что в нём было что-то чужое. Скорее, потому что лицо выглядело так, словно принадлежало человеку, которого она давно не видела. Волосы спутались после сна, под глазами залегли тени, а кожа казалась слишком бледной при холодном свете лампы.

Она отвернулась и включила воду.

На кухне всё стояло на своих местах. Чашки, тарелки, чайник. На подоконнике лежала пыль, которую давно следовало вытереть. В раковине оставалась одна ложка.

Бель достала кофе, насыпала его в чашку и остановилась.

Некоторое время она смотрела на кофемашину, словно пыталась вспомнить, как именно ей пользоваться. Потом всё-таки нажала кнопку.

Кофе получился слишком крепким.

Она сделала несколько глотков, стоя у окна. На противоположной стороне улицы женщина выгуливала маленькую собаку. Та постоянно тянула поводок, останавливалась возле каждого дерева и с нескрываемым интересом изучала мокрый асфальт. Женщина терпеливо ждала, пока собака закончит свои дела, а затем они шли дальше.

Бель наблюдала за ними, пока обе не скрылись за припаркованными автомобилями.

Ей вдруг показалось, что она смотрит на происходящее уже очень давно.

Что все эти люди, машины, разговоры, случайные встречи и чужие заботы существуют отдельно от неё. Мир продолжал двигаться с удивительной настойчивостью, не замечая, что кто-то однажды перестал поспевать за его ритмом.

Она поставила чашку на подоконник.

На стекле отразилось её лицо.

Бель моргнула.

Отражение исчезло в сером свете.

И только тогда она заметила, что в квартире снова стало совершенно тихо.

Бель долго не отходила от окна.

Кофе успел остыть, оставив на поверхности тонкую тёмную плёнку. Она заметила это только тогда, когда попыталась сделать ещё один глоток. Поморщилась, поставила чашку обратно и, немного подумав, отнесла её в раковину.

За последние несколько недель квартира приобрела странный вид. Не грязный, нет. Скорее, заброшенный кем-то, кто всё ещё продолжал здесь жить. На журнальном столике лежали старые журналы, рядом с диваном стояла корзина с несвежим бельём, а на спинке стула висела одежда, которую давно следовало убрать в шкаф. Ничего особенного. Просто вещи постепенно переставали находить своё место.

Бель открыла холодильник. Внутри обнаружились половина упаковки молока, несколько яиц, сыр и контейнер с чем-то, что она не стала проверять. Она закрыла дверцу.

Есть не хотелось.

На телефон пришло сообщение. Бель посмотрела на экран, но отвечать не стала. Вместо этого открыла список контактов и несколько секунд бесцельно прокручивала его, пока взгляд не остановился на одном имени.

Палец замер над экраном.

Она погасила телефон.

В такие моменты ей казалось, что у времени есть неприятная особенность: оно не всегда движется вперёд. Иногда оно просто проходит сквозь тебя, оставляя после себя те же самые вещи, те же самые комнаты, тот же самый воздух. И ты обнаруживаешь, что уже не можешь вспомнить, каким был день, когда всё это ещё имело значение.

Впрочем, Бель не любила думать о времени.

Она вообще старалась думать как можно меньше.

Выйти из дома она решила ближе к полудню.

На улице было серо. Не пасмурно даже, а именно серо — словно кто-то стёр с города все краски, оставив лишь размытые очертания домов, мокрый асфальт и редкие огни светофоров.

Люди проходили мимо, пряча лица в воротники. Кто-то разговаривал по телефону, кто-то смеялся, кто-то торопливо переходил дорогу, едва дождавшись зелёного света. У каждого, казалось, было что-то, ради чего следовало спешить.

Бель шла среди них, не особенно замечая дорогу.

На мгновение она остановилась у витрины кафе. За стеклом сидели люди. Мужчина что-то рассказывал женщине напротив, та смеялась, прикрывая рот ладонью. На столе между ними стояли две чашки.

Бель смотрела на них чуть дольше, чем следовало.

Потом опустила глаза и пошла дальше.

Город не казался ей враждебным. В этом, пожалуй, и заключалась его жестокость. Он не изменился, не остановился, не стал тише. Всё продолжалось с прежней непринуждённостью, словно ничего не произошло.

На перекрёстке Бель остановилась, хотя светофор уже несколько секунд показывал зелёный. Люди обходили её, задевая плечами, кто-то недовольно обернулся. Она не заметила.

Ей вдруг показалось, что она забыла что-то важное. Что-то, без чего нельзя было уходить так далеко от дома.

Бель попыталась вспомнить.

Но в голове было пусто.

Она посмотрела на противоположную сторону улицы и на мгновение почувствовала необъяснимую уверенность, что если сейчас обернётся, то увидит кого-то, кто должен был идти рядом.

Она не обернулась.

Когда светофор снова сменил цвет, Бель всё ещё стояла на месте.

Вечером она включила свет только в гостиной.

Остальные комнаты оставались погружёнными в полумрак. Бель давно перестала зажигать свет повсюду, хотя раньше ей нравилось, когда квартира была наполнена тёплыми пятнами от настольных ламп. Теперь яркое освещение раздражало. Оно делало слишком заметными пыль на поверхностях, следы на стекле, неровно лежащие вещи.

Телевизор работал без звука.

На экране сменялись лица, декорации, какие-то яркие рекламные ролики. Бель не следила за происходящим. Она сидела на диване, поджав ноги, и перебирала фотографии в телефоне.

Снимки были разными. Город, незнакомые люди, витрины, чашки, случайные фрагменты чужой жизни.

На одном из них она задержалась.

Старое здание с большими окнами. Светлый фасад, тёмная металлическая дверь, несколько деревьев вдоль тротуара. Она не сразу вспомнила, где сделала этот снимок.

Потом вспомнила.

Бель увеличила изображение, рассмотрела окно на втором этаже и провела пальцем по экрану.

В какой-то момент ей показалось, что за стеклом кто-то стоит.

Она приблизила фотографию ещё сильнее, но изображение рассыпалось на мелкие квадраты. Никакого человека там не было. Только отражение соседнего здания и светлое пятно облака.

Бель заблокировала телефон.

Из телевизора донёсся чей-то смех. Она вздрогнула, посмотрела на экран и убавила громкость ещё сильнее, хотя звук и без того был почти неслышным.

За окном снова пошёл дождь.

Она смотрела на него до тех пор, пока капли не начали сливаться в длинные прозрачные дорожки.

Перед сном Бель долго стояла возле шкафа.

На одной из полок лежала старая коробка. Она не помнила, когда в последний раз открывала её, но почему-то каждый раз, убирая вещи, оставляла коробку на прежнем месте.

Сегодня она сняла её с полки.

Крышка поддалась не сразу. Внутри лежали какие-то бумаги, несколько открыток, фотографии и маленькая вещица, которую она не стала рассматривать. Бель перебирала содержимое осторожно, почти механически, пока не наткнулась на плотный конверт.

На нём не было подписи.

Она перевернула его, провела большим пальцем по краю и положила обратно.

Некоторое время Бель сидела на полу перед открытой коробкой. Потом собрала всё, как было, закрыла крышку и вернула её на полку.

В спальне она выключила свет и легла на свою половину кровати.

С улицы доносился шум проезжающих машин. Ветер задевал ветви дерева, и те время от времени касались стекла.

Бель повернулась на бок.

Пустое пространство рядом с ней оставалось неподвижным.

Она закрыла глаза, но сон не приходил.

И где-то между последними звуками улицы и тишиной квартиры ей почудилось, что за дверью кто-то негромко смеётся.

Бель открыла глаза.

Прислушалась.

Ничего.

Она ещё немного полежала, глядя в темноту, а затем натянула одеяло до подбородка.

Завтра, наверное, будет такой же день.

Глава 3

То, что мы оставляем после себя

Предложение пришло в понедельник, ближе к вечеру.

Бель уже собиралась заканчивать работу, когда на почту упало письмо от небольшой культурной организации, с которой она однажды сотрудничала. Она открыла его скорее по привычке, ожидая очередного запроса на съёмку мероприятия или портретов для сайта, но уже на втором абзаце перестала торопливо пролистывать текст.

Речь шла о старом здании в центральной части города. Его собирались реконструировать, и перед началом работ заказчики хотели провести полноценную фотосъёмку: фасад, внутренние помещения, лестницы, детали интерьера. Им требовался не просто набор красивых фотографий, а визуальный архив того, каким здание было до изменений.

Бель перечитала письмо.

Здание ей было знакомо. Она несколько раз проходила мимо него, однажды даже заходила внутрь, когда там ещё работали небольшие мастерские. Высокие окна, тяжёлые деревянные двери, лестница с потемневшими перилами. Внутри всегда пахло старой древесиной и сыростью, а свет из окон ложился на стены длинными неровными полосами.

Она открыла вложенные фотографии.

На одной из них была лестничная площадка. На другой — длинный коридор с облупившейся краской. Бель увеличила изображение, рассматривая мелкие трещины на стене.

Ей уже хотелось там оказаться.

Условия были вполне достойными, сроки — приемлемыми. Она ответила, что заинтересована, и предложила встретиться для обсуждения деталей.

Только после отправки письма Бель заметила, что улыбается.

Она закрыла ноутбук и потянулась за телефоном.

Тиму она написала коротко:

Кажется, у меня появился интересный проект.

Ответ пришёл почти сразу.

Надеюсь, не очередная фотография кофе.

Бель усмехнулась.

Нет. На этот раз целое здание.

Серьёзный масштаб.

Завидуй молча.

Тим прислал смеющийся смайлик, а затем сообщил, что задержится на работе.

Бель убрала телефон в сумку. О проекте она решила рассказать дома.

***

Вечером Тим вернулся позже обычного.

Он снял пальто, повесил его на крючок и прошёл на кухню, где Бель пыталась приготовить ужин. На столе лежал открытый ноутбук, рядом с ним — распечатка письма с фотографиями здания.

Тим поцеловал её в висок и заглянул в сковороду.

— Пахнет неплохо.

— Это потому, что ты ещё не пробовал.

— Уже обнадёживает.

Он налил себе воды и только тогда заметил распечатки.

— Что это?

— Мой новый проект.

Бель подвинула к нему фотографии.

Тим взял верхний лист, посмотрел на изображение фасада, затем перевернул страницу.

— Где ты это нашла?

— Мне предложили съёмку. Хотят сделать архив здания перед реконструкцией.

Он не ответил сразу.

Бель заметила, как изменилось его лицо. Не сильно — просто исчезло то рассеянное выражение, с которым он обычно возвращался домой. Тим ещё раз посмотрел на фотографию, задержав взгляд на верхних этажах.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Тим.

Он положил лист на стол.

— Наше бюро занимается этим объектом.

Бель несколько секунд молчала.

— В смысле?

— Мы выиграли проект реконструкции. Уже несколько месяцев работаем над ним.

Она посмотрела на фотографии, потом снова на него.

— И ты не сказал?

— А что я должен был сказать? Мы обсуждали десятки объектов за последнее время.

— Я не знаю. Например, что ты работаешь над зданием, в которое я собираюсь ехать фотографировать.

— Я узнал об этом только сейчас.

— Но ты же знал, что его собираются реконструировать.

— Бель, это не секрет. Объект давно выставлен на обсуждение.

Она отвернулась к плите, убавила огонь и сняла сковороду с конфорки.

— И что вы собираетесь с ним сделать?

Тим прислонился бедром к столешнице.

— Пока рано говорить о деталях. Там много проблем с конструкцией. Часть перекрытий придётся менять, инженерные системы полностью устарели. Возможно, некоторые помещения вообще нельзя будет сохранить в прежнем виде.

— Понятно.

— Что понятно?

— Ничего. Просто интересно, как вы собираетесь сохранить здание, если половину его придётся разобрать.

— Ты сейчас говоришь так, будто мы собираемся снести его и построить торговый центр.

— А разве нет?

Тим нахмурился.

— Нет. Мы занимаемся реконструкцией, а не сносом.

— Для тебя это, наверное, одно и то же. Главное, чтобы всё было правильно рассчитано.

— А для тебя главное, чтобы на фотографии красиво смотрелась облупившаяся стена?

Бель повернулась к нему.

На секунду между ними повисла тишина.

Тим понял, что сказал лишнее, но не стал сразу исправляться. Он устало провёл ладонью по лицу и посмотрел на часы.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Я просто говорю, что у здания есть проблемы. Их нельзя игнорировать только потому, что тебе нравится его нынешний вид.

— Я не предлагаю игнорировать проблемы.

— Тогда в чём спор?

Бель посмотрела на него так, словно ответ был очевиден, но объяснять его не хотелось.

Она собрала распечатки в одну стопку.

— Ни в чём. Я просто буду фотографировать то, что есть. А вы потом сделаете с этим то, что считаете нужным.

Тим хотел что-то сказать, но в этот момент зазвонил его телефон. Он взглянул на экран, извинился и вышел в другую комнату.

Бель осталась на кухне.

Ужин постепенно остывал.

***

К родителям они поехали в воскресенье.

Белла позвонила ещё утром, сообщив, что мама приготовила слишком много еды и что, если они не приедут, всё это придётся доедать ей одной. Судя по интонации, перспектива её совершенно не пугала.

— Я вообще-то не понимаю, почему вы так редко приезжаете, — сказала она вместо приветствия. — Мама уже спрашивала, не случилось ли чего.

— Белла, мы были у вас две недели назад.

— И что? Две недели — это очень долго.

— Ты звонила мне вчера.

— Звонок не считается. Я тебя не видела.

Бель прикрыла глаза.

— Господи, как ты меня утомляешь.

— Вот поэтому я и говорю, что тебе нужно чаще общаться с семьёй. Ты становишься невыносимой.

Белла рассмеялась и отключилась, не дожидаясь ответа.

Тим, сидевший рядом, покосился на Бель.

— Вы когда-нибудь разговариваете нормально?

— Это и был нормальный разговор.

— Боюсь представить ненормальный.

— Не бойся. Тебе не понравится.

Дом родителей находился в тихом районе, немного в стороне от оживлённых улиц. Бель знала каждый поворот дороги, каждое дерево у тротуара и даже небольшой магазин на углу, возле которого когда-то постоянно встречала Беллу после школы.

Она заметила, что мама уже ждёт их у окна, ещё до того, как Тим припарковал машину.

Дверь открылась почти сразу.

— Наконец-то, — произнесла мама, обнимая сначала Бель, потом Тима. — Я уже думала, вы передумали.

— Мы же обещали, — сказала Бель.

— Обещать вы умеете оба. А вот приезжать…

Из кухни донёсся голос Беллы:

— Мам, они приехали?

— Нет, Белла. Это почтальон.

— Очень смешно!

Белла появилась в дверях с кухонным полотенцем в руках. На ней был домашний свитер, волосы собраны в небрежный хвост, несколько прядей выбились у висков. Она обняла сестру, затем Тима и тут же начала рассказывать, как утром чуть не сожгла пирог, потому что отвлеклась на телефон.

— Ты всегда отвлекаешься на телефон, — заметила Бель.

— Зато у меня насыщенная жизнь.

— У тебя насыщенная переписка.

— Не завидуй.

Мама только покачала головой и попросила всех пройти на кухню.

Отец сидел за столом, читая газету. Он поднял глаза, когда они вошли, коротко поздоровался с Тимом и дочерьми, после чего снова вернулся к чтению.

Бель наклонилась, поцеловала его в щёку.

— Привет, пап.

— Привет.

Он отложил газету, подвинул к ней свободный стул и больше ничего не сказал.

Так было всегда. Отец редко задавал вопросы, почти никогда не начинал разговор первым и, казалось, совершенно спокойно переносил даже самое долгое молчание. Иногда Бель пыталась представить, о чём он думает, но каждый раз бросала эту затею. Его внутренний мир оставался закрытым даже для самых близких людей.

Мама, напротив, замечала всё.

Она сразу спросила Бель, как дела на работе, не устаёт ли она, почему так похудела и не собирается ли наконец купить себе нормальное пальто вместо того, в котором ходит уже третий год.

— Мам, я не похудела.

— Вот именно. Я говорю, что тебе нужно нормально питаться.

— Я нормально питаюсь.

Белла, раскладывавшая приборы, обернулась:

— Она вчера прислала мне фотографию какого-то бутерброда и сказала, что это ужин.

— Он был очень хороший.

— Там был один кусок сыра.

— И хлеб.

— Бель, это не ужин.

Тим тихо усмехнулся.

— Не поддерживай их, — предупредила Бель.

— Я ничего не сказал.

— Но подумал.

— Вот теперь точно подумал.

Мама поставила на стол блюдо и улыбнулась, наблюдая за ними.

За ужином Белла рассказывала о своей недавней поездке, перескакивая с одной истории на другую. Она успела пожаловаться на погоду, похвалить новый ресторан, рассказать о знакомой, которая собиралась переезжать, и несколько раз вернуться к теме собственного пирога, хотя никто уже не помнил, с чего всё началось.

Отец почти не участвовал в разговоре. Иногда он поднимал глаза, когда кто-то обращался к нему, отвечал коротко и снова замолкал.

Мама слушала всех сразу.

Когда Бель рассказала о предложении поработать над фотопроектом, Белла оживилась первой.

— Подожди, это то самое старое здание возле центра? Я его знаю! Там раньше был магазин с совершенно ужасными украшениями. Помнишь, мы туда ходили?

— Ты туда ходила, — поправила Бель. — Я ждала тебя на улице.

— Ну и что? Зато я тебе потом всё показала.

— Ты купила серьги, которые сломались через два дня.

— Они были красивые!

— Они были пластиковые.

— Бель, ты невыносима.

Мама рассмеялась.

— А что за проект? Ты будешь фотографировать всё здание?

— Да. До реконструкции. Хотят сохранить его нынешний вид.

— Хорошая работа, — сказала мама. — Тебе ведь нравится такое?

— Да.

— Тогда обязательно соглашайся.

Бель улыбнулась.

— Уже согласилась.

Тим, сидевший напротив, поднял взгляд от тарелки.

— Только сначала нужно будет разобраться с доступом. Не все помещения сейчас открыты для посещения.

Белла посмотрела на него.

— Ты откуда знаешь?

— Наше бюро занимается реконструкцией.

— Серьёзно? Так вы будете работать над одним зданием?

— Получается, да.

— Ой, как интересно! Вы сможете вместе туда ездить. Бель будет фотографировать, Тим будет рассказывать, что где сломано, а потом вы будете спорить, потому что Бель обязательно захочет оставить какую-нибудь старую дверь, которую Тим захочет выбросить.

— Белла, — спокойно произнесла Бель, — ты удивительно хорошо умеешь портить людям настроение ещё до того, как что-то произошло.

— Я просто представляю ваше будущее.

— Не надо.

Тим улыбнулся, но Бель заметила, что он не стал ничего добавлять.

Мама перевела взгляд с одной дочери на другую.

— Главное, чтобы вы не забывали, что работа — это работа, а дом — это дом.

— Мам, мы не собираемся разводиться из-за старой двери, — сказала Бель.

— Я этого и не говорила.

— Но подумала.

— Я много чего думаю, — ответила мама. — Не всё же мне вам рассказывать.

Белла снова засмеялась.

Отец тем временем потянулся за стаканом. Его взгляд на мгновение остановился на Тиме, затем переместился к Бель. Он ничего не сказал.

Уезжали они уже затемно.

Мама собрала им контейнеры с едой, несмотря на заверения, что дома всё есть. Белла проводила их до машины, продолжая рассказывать какую-то историю, которую, кажется, начала ещё за ужином.

— Ты мне завтра позвони, — сказала она, обнимая сестру.

— Хорошо.

— Нет, серьёзно. Я тебе ещё не всё рассказала.

— Белла, ты говорила без остановки три часа.

— И что? Это не значит, что я закончила.

Бель улыбнулась и села в машину.

Тим завёл двигатель. Белла помахала им рукой, а затем скрылась за дверью дома.

Некоторое время они ехали молча.

— Твоя сестра никогда не устаёт разговаривать? — спросил Тим.

— Нет. Думаю, если её оставить одну в комнате, она начнёт разговаривать с мебелью.

— Хорошо, что у вас есть друг друга.

Бель повернула голову к окну.

— Да. Хорошо.

Они проехали несколько перекрёстков, прежде чем Тим снова заговорил.

— Кстати, по поводу здания. Я могу показать тебе проектные материалы. Чтобы ты понимала, что именно собираются менять.

— Зачем?

— Чтобы у тебя было представление о работе.

— У меня есть представление.

— Бель, я не пытаюсь тебя учить.

— Тогда не надо.

Тим крепче сжал руль.

— Я просто предлагаю помощь.

— А я не просила.

Он посмотрел на неё, но она продолжала смотреть в окно.

— Ты сегодня весь вечер какая-то напряжённая, — произнёс он наконец.

— Я не напряжённая.

— Хорошо.

В его голосе не было раздражения, но Бель всё равно почувствовала, как внутри поднимается знакомое неприятное чувство. Ей хотелось объяснить, что дело не в чертежах, не в доступе к зданию и даже не в том, что Тим работает над тем же проектом. Ей просто не нравилось, когда он заранее решал, что она чего-то не понимает.

Но объяснять это сейчас казалось бессмысленным.

— Давай просто доедем домой, — сказала она.

Тим кивнул.

Остаток дороги они провели в молчании.

Позже, когда Тим уже ушёл в душ, Бель достала ноутбук и открыла письмо с условиями проекта.

К нему добавили ещё один файл — предварительную документацию по зданию. Она пролистала несколько страниц, задержалась на чертежах и вернулась к фотографиям.

На одной из них была лестница.

Та самая, с потемневшими деревянными перилами и узким окном на площадке. Бель увеличила изображение. На стене возле окна виднелась тонкая трещина, уходившая почти до самого пола.

Она представила, как будет стоять там с камерой, выбирая угол, ловя свет, пытаясь сохранить в кадре то, что вскоре изменится.

Потом открыла следующий файл.

На первой странице крупно стояло название архитектурного бюро Тима.

Бель несколько секунд смотрела на него, после чего закрыла документ.

Из ванной донёсся звук выключившейся воды.

Она убрала ноутбук, взяла со стола телефон и открыла переписку с Беллой. Последнее сообщение сестра отправила ещё днём. Какую-то фотографию с подписью, которую Бель так и не прочитала.

Она поставила сердечко и отложила телефон.

Завтра предстояло договориться о встрече с заказчиками, уточнить дату первого осмотра и подготовить оборудование.

Работы было много.

И впервые за долгое время Бель хотелось поскорее приступить к ней.

Глава 4

Там, где заканчиваются слова

Весь вечер Бель старалась не смотреть на Тима.

Это получалось не особенно хорошо: квартира была слишком маленькой для подобной демонстрации независимости. Он находился то на кухне, то в гостиной, иногда проходил мимо неё, и каждый раз Бель замечала его присутствие раньше, чем успевала сделать вид, будто увлечена чем-то другим.

Она устроилась на диване с ноутбуком, открыв фотографии здания. На экране одна за другой появлялись стены, оконные проёмы, лепнина, потемневшие от времени участки фасада. Бель увеличивала снимки, рассматривала детали, делала пометки. Работа помогала занять руки и голову, но не избавляла от неприятного осадка после разговора.

Особенно её раздражало, что Тим был не совсем неправ.

Это раздражало сильнее всего.

Он появился рядом не сразу. Сначала Бель услышала, как на кухне закрылась дверца холодильника, затем — негромкий звук воды. Через некоторое время диван чуть прогнулся под его весом.

— Ты собираешься со мной разговаривать? — спросил он.

Бель не подняла глаз от экрана.

— А ты собираешься извиняться?

— За что именно?

Она наконец повернулась к нему.

— Вот поэтому я и не разговариваю.

Тим усмехнулся, но улыбка быстро исчезла. Он посмотрел на ноутбук, затем на её лицо. Несколько секунд они молчали, и в этой тишине было что-то знакомое: не холодность, не отчуждение, а упрямство двух людей, которые слишком хорошо знают друг друга, чтобы не понимать, куда заведёт очередной спор.

— Я не считаю, что ты не понимаешь архитектуру, — сказал он наконец. — Я считаю, что ты иногда влюбляешься в то, что собираешься фотографировать.

— А ты иногда так увлекаешься тем, что собираешься переделать, что забываешь посмотреть, что перед тобой уже есть.

Он опустил голову, потирая переносицу.

— Ладно. Это было заслуженно.

Бель хотела продолжить, но не нашла подходящих слов. В конце концов, она сама не была уверена, что спорила исключительно из-за здания. Возможно, её задело не столько замечание о фотографии, сколько то, как легко Тим произнёс его, будто имел право одним предложением обесценить всё, чем она занималась.

Он осторожно коснулся её колена.

— Я не хотел тебя задеть.

Бель посмотрела на его руку. Большой палец медленно скользнул по ткани домашних брюк, почти невесомо, словно Тим оставлял ей возможность отстраниться.

Она не отстранилась.

— Ты иногда бываешь невыносимым, — произнесла она.

— Иногда?

— Не заставляй меня уточнять.

На этот раз он улыбнулся по-настоящему.

Тим наклонился и коснулся губами её виска. Бель ещё несколько секунд сохраняла нарочито недовольное выражение лица, но потом сама придвинулась ближе, уткнувшись лбом ему в плечо. Он обнял её одной рукой, а другой осторожно убрал с её лица выбившуюся прядь волос.

Так они и сидели, пока экран ноутбука не погас.

Позже Бель обнаружила, что Тим всё ещё не отпустил её руку. Их пальцы переплелись, и она лениво водила большим пальцем по его костяшкам, разглядывая знакомые линии ладони. На безымянном пальце поблёскивало кольцо. Иногда она забывала, что носит его, но стоило увидеть такое же на руке Тима, как внутри возникало тихое, почти детское чувство удовлетворения.

Когда-то ей казалось странным, что можно настолько привыкнуть к другому человеку. Не к его присутствию даже, а к тому, как он дышит рядом, как поворачивается во сне, как оставляет кружку на краю стола, хотя она тысячу раз просила ставить её на подставку.

Тим был вплетён в её жизнь множеством мелочей, которые по отдельности ничего не значили.

Именно из них, наверное, и складывалось то, что они называли домом.

В спальне горел только небольшой светильник у кровати.

Бель стояла перед зеркалом, собирая волосы, когда Тим подошёл сзади. Его отражение появилось за её плечом — немного растрёпанное, в тёмной домашней футболке, с усталым лицом человека, который весь день провёл над чертежами.

Он положил ладони ей на талию.

— Ты всё ещё сердишься?

— Уже нет.

— Совсем?

— Не злоупотребляй своим счастьем.

Тим улыбнулся и коснулся губами её шеи. Бель чуть повернула голову, встречая его взгляд в зеркале. Она знала это выражение: мягкое, немного насмешливое, с той особенной теплотой, которую он редко показывал кому-то ещё.

Она опустила руки и повернулась к нему.

Поцелуй вышел неторопливым. Сначала едва ощутимым, почти осторожным, затем более глубоким, когда Бель обняла его за плечи и притянула ближе. Тим провёл ладонью по её спине, задержался на пояснице, а потом убрал волосы с её щеки.

Она чувствовала тепло его кожи, лёгкую щетину, касавшуюся лица, и знакомый запах — чистой ткани, мыла и чего-то едва уловимого, что давно перестало ассоциироваться с отдельным предметом или ароматом. Это был просто Тим.

Он поцеловал её в уголок губ, затем в щёку, задержавшись там чуть дольше, чем требовалось. Бель тихо рассмеялась и спрятала лицо у него на шее.

— Щекотно.

— Я ничего не делаю.

— Именно это ты и делаешь.

Он обнял её крепче. Она провела пальцами по его волосам, слегка взъерошивая их, и почувствовала, как он наклонил голову под её ладонь. Тим всегда любил, когда она касалась его волос, хотя каждый раз делал вид, будто ему всё равно.

В какой-то момент между ними исчезла необходимость что-либо говорить.

Они целовались, прерываясь лишь затем, чтобы улыбнуться друг другу или устроиться удобнее. Его пальцы скользили по её руке, плечу, спине; она отвечала такими же простыми прикосновениями, будто заново убеждалась в знакомом и родном. В их близости не было торопливости. Только доверие, тепло и та особенная свобода, которая появляется, когда рядом человек, перед которым не нужно ничего изображать.

Позже они лежали под одеялом, тесно прижавшись друг к другу.

Бель положила голову ему на грудь и слушала ровный стук сердца. Тим лениво перебирал её волосы, иногда касаясь губами макушки. Она рисовала пальцем невидимые линии на его предплечье, пока веки не начали тяжелеть.

— Ты завтра во сколько уезжаешь? — спросила она.

— К девяти. Нужно посмотреть объект до встречи с заказчиком.

— Наш объект?

— Наш, — подтвердил он. — Если ты, конечно, не решила забрать его себе целиком.

— Я подумаю.

— Дай мне хотя бы одну стену.

— Посмотрим на твоё поведение.

Он тихо рассмеялся.

Бель приподнялась, чтобы поцеловать его. Тим встретил её движение, обхватив ладонью затылок, и на мгновение задержал её возле себя.

— Спи, фотограф, — прошептал он.

— Спи, архитектор.

Она снова устроилась у него на груди.

За окном шумел ночной город. Где-то проехала машина, в соседней квартире передвинули стул, а потом всё стихло. Тим продолжал гладить её по волосам, пока его рука не замерла.

Бель уже почти уснула, когда вспомнила о фотографиях.

Ей вдруг пришёл в голову один из снимков фасада — узкий участок стены возле бокового входа. Она почему-то была уверена, что на нём видела старую металлическую табличку с номером дома. Но на фотографии таблички не было.

Возможно, она просто перепутала кадры.

Бель собиралась рассказать об этом Тиму утром, но мысль быстро растворилась в сонной тяжести.

Она закрыла глаза.

А Тим, не открывая своих, чуть крепче обнял её во сне.

Глава 5

То, что не принадлежит этому миру

Тим спал на животе, подложив одну руку под подушку.

Бель лежала рядом и смотрела на тонкую полоску света, пробивавшуюся сквозь неплотно задёрнутые шторы. За окном начиналось утро. Где-то во дворе хлопнула дверца машины, послышались голоса, затем всё снова стихло.

Она осторожно повернулась к Тиму.

Во сне он выглядел младше. Исчезла привычная складка между бровями, которую Бель замечала всякий раз, когда он сосредоточенно работал. Волосы падали на лоб, губы были чуть приоткрыты. Одна ладонь покоилась поверх одеяла.

Бель коснулась его пальцев.

— Ты опять занял всю кровать, — прошептала она.

Тим не проснулся. Только чуть пошевелился, освобождая ей место.

Она улыбнулась и закрыла глаза.

Ещё несколько минут.

Ей не хотелось вставать. Не хотелось думать о работе, о фотографиях, о здании, о вчерашнем споре. Хотелось остаться здесь, в полусонном тепле, где можно было никуда не торопиться.

Последнее, что она почувствовала, — как Тим во сне нашёл её руку и переплёл их пальцы.

Тишина.

Бель открыла глаза.

Потолок над ней был незнакомо белым. На нём виднелась тонкая трещина, уходившая от угла к самому краю люстры. Она долго смотрела на неё, не понимая, почему эта деталь кажется такой важной.

В комнате было холодно.

Она повернула голову.

Пустая половина кровати. Смятая простыня. Подушка, на которой никто не лежал.

Бель медленно села.

Некоторое время она просто смотрела перед собой. Потом провела ладонями по лицу и огляделась.

Тумбочка. Стакан воды. Телефон. Книга, раскрытая на середине и лежащая корешком вверх. На подоконнике — засохший цветок в маленьком керамическом горшке.

Всё находилось на своих местах.

И всё было каким-то неправильным.

Она посмотрела на часы.

11:18.

Бель нахмурилась. Вчера она легла рано. По крайней мере, ей так казалось. Или это было позавчера?

Она взяла телефон. Несколько уведомлений, напоминание о записи, сообщение от фотографа, с которым работала месяц назад. Ничего необычного.

Палец остановился над списком контактов.

Бель не сразу поняла, зачем открыла его. Пролистала несколько имён, остановилась, вернулась наверх. Её взгляд скользил по буквам, не задерживаясь ни на одной.

Она заблокировала экран.

В комнате было слишком тихо.

На кухне пахло остывшим кофе.

Бель поставила чайник, достала кружку и машинально потянулась за второй. Рука замерла над шкафом.

Она посмотрела на пустое место рядом.

Несколько секунд стояла неподвижно, затем убрала кружку обратно.

Когда чайник закипел, она налила воду и осталась стоять у столешницы. За окном медленно ползли облака. На противоположном доме кто-то открыл окно, вытряхнул полотенце и исчез.

Бель сделала глоток.

В голове всплыл вчерашний разговор.

Тим стоял возле дивана, смотрел на фотографии и говорил, что она слишком привязывается к старым вещам. Она ответила, что он не умеет видеть в них ничего, кроме материала для ремонта. Потом они спорили в машине. Потом…

Она нахмурилась.

Как они оказались дома?

Бель поставила кружку.

Неважно. Наверное, просто устала.

Она открыла ящик стола, достала блокнот и начала искать номер заказа на съёмку. Между страницами лежала визитка заказчика. На обороте её рукой было записано название объекта и адрес.

Бель прочитала его.

Потом ещё раз.

Адрес ничего ей не говорил.

Она перевернула визитку, проверила, не перепутала ли записи. Нет. Всё было верно.

Тогда почему ей казалось, что она уже бывала там?

К торговому центру она приехала ближе к трём.

Сама не до конца понимала, зачем выбрала именно это место. Возможно, хотела пройтись. Возможно, просто искала повод выйти из квартиры, где каждый предмет слишком долго оставался неподвижным.

Внутри было тепло и светло. Люди двигались между магазинами, останавливались у витрин, поднимались по эскалаторам. Из динамиков негромко играла музыка.

Бель прошла мимо кофейни, книжного магазина, стойки с цветами.

И остановилась.

За широким стеклянным ограждением виднелась старая кирпичная стена. Она была частью фасада, сохранённой при реставрации. Новые конструкции аккуратно обходили её, оставляя открытой часть прежней кладки.

Бель смотрела на стену.

Что-то внутри неё неприятно сжалось.

Она подошла ближе.

Кирпичи были разного оттенка. Между ними темнели следы старого раствора. Чуть выше проходила декоративная полоса, а справа от неё находился узкий оконный проём, теперь закрытый изнутри стеклом.

Бель подняла руку, словно собиралась коснуться поверхности, но остановилась.

Она знала эту стену.

Не могла объяснить откуда. Не могла вспомнить, когда видела её раньше. Но знала, что возле самого нижнего ряда кирпичей есть небольшая выбоина, похожая на полумесяц.

Она наклонилась.

Выбоина действительно была.

Бель выпрямилась.

— Простите, вы что-то ищете?

Рядом стояла женщина с бумажным пакетом.

— Нет, — ответила Бель. — Просто рассматриваю.

Женщина посмотрела на стену.

— Красиво сохранили, правда? Говорят, здесь раньше было старое административное здание.

Бель кивнула.

— Да. Наверное.

Она отошла, но ощущение узнавания не исчезло.

Наоборот, теперь оно стало почти физическим. Ей казалось, что стоит закрыть глаза — и она увидит это место другим. С металлическими лесами, строительной пылью, временными ограждениями. Увидит человека, который стоит рядом и что-то объясняет, раздражённо постукивая карандашом по чертежу.

Она почти услышала его голос.

Ты опять смотришь не туда.

Бель резко обернулась.

За её спиной проходили незнакомые люди.

Никого.

Она достала телефон, открыла камеру и сделала снимок стены.

Зачем — сама не знала.

Дома Бель долго рассматривала фотографию.

На экране всё выглядело обычно: кирпичная кладка, стекло, часть торгового зала. Никаких странностей.

Она увеличила изображение, провела пальцем по экрану, приблизила выбоину в нижнем ряду кирпичей.

Полумесяц.

Бель закрыла фотографию.

Ей вдруг стало не по себе от мысли, что она могла видеть это место раньше. Не в торговом центре, не на фотографии, а где-то ещё. В другом состоянии. С другим светом. С людьми, которых сейчас здесь не было.

Она попыталась вспомнить.

В голове возникло несколько разрозненных образов: серый фасад, папка с чертежами, рука с карандашом, чей-то смех. Всё исчезло прежде, чем она успела ухватиться за детали.

Бель открыла заметки и написала:

Старое здание. Реконструкция. Боковой вход. Полумесяц в кладке.

Перечитала.

Потом добавила:

Почему я это знаю?

Она долго смотрела на последнюю строку, после чего заблокировала телефон.

Вечером Бель достала из шкафа небольшую коробку.

Она хранила в ней вещи, которые не использовала, но не могла выбросить: старые фотографии, открытки, несколько украшений, школьные документы. Коробка была тяжёлой, картон на углах потемнел от времени.

Бель поставила её на кровать и сняла крышку.

Сверху лежала фотография, на которой она была совсем маленькой. Рядом с ней стояли женщина и мужчина. Женщина улыбалась, прикрыв глаза от солнца. Мужчина смотрел куда-то в сторону.

Бель осторожно провела пальцем по снимку.

Она знала, что это её родители.

Знала, что они погибли.

Знала, что после авиакатастрофы её жизнь разделилась на «до» и «после», хотя само «до» почти не сохранилось в памяти.

Ни голосов, ни привычек, ни семейных вечеров. Иногда ей удавалось вспомнить отдельные детали, но они были похожи на чужие рассказы, которые со временем стали частью её собственной биографии.

Под фотографией лежал ещё один снимок.

Две девочки.

Старшая держала младшую за плечи. Обе щурились от яркого солнца. У младшей были растрёпанные волосы и недовольное выражение лица.

Бель долго смотрела на девочку постарше.

Белла.

Она произнесла имя про себя, пытаясь вызвать хоть что-то определённое. Но память оставалась пустой. Только смутное ощущение, что когда-то рядом был ещё один человек. Кто-то, кого она должна была любить, но кого теперь знала преимущественно по фотографиям.

Бель убрала снимок обратно.

В коробке нашёлся маленький конверт без подписи. Внутри лежала детская заколка с потускневшей пластиковой бабочкой.

Она не помнила, кому она принадлежала.

Бель положила заколку на ладонь и закрыла глаза.

На мгновение ей почудилось, что кто-то смеётся.

Не громко. Совсем рядом.

Она открыла глаза.

Комната была пуста.

Ночью Бель долго не могла уснуть.

Она лежала на спине, глядя в потолок. Трещина над кроватью казалась темнее, чем днём. За окном проехала машина, свет фар скользнул по стене и исчез.

Бель повернулась на бок.

На соседней подушке лежала складка от одеяла. Она смотрела на неё, пока та не перестала казаться просто складкой.

Ей вдруг вспомнилось, как кто-то по утрам забирал у неё одеяло. Как тёплая ладонь касалась её плеча. Как знакомый голос просил не занимать всю кровать.

Бель закрыла глаза.

— Тим…

Имя прозвучало едва слышно.

Она не сразу поняла, почему произнесла его.

В комнате ничего не изменилось.

Только телефон на тумбочке коротко завибрировал от уведомления.

Бель потянулась к нему, но не открыла сообщение. Вместо этого перевернула экраном вниз и натянула одеяло до подбородка.

Она не знала, почему ей так отчаянно хотелось, чтобы рядом кто-нибудь был.

И ещё меньше понимала, почему имя человека, которого она почти не помнила, отозвалось внутри такой острой болью.

Утром её разбудил запах кофе.

Бель не сразу открыла глаза.

Сначала услышала негромкий стук ложки о край кружки. Потом — движение по кухне, знакомое шарканье домашних тапочек.

Она улыбнулась, ещё не проснувшись окончательно.

— Ты опять…

Слова оборвались.

Она открыла глаза.

Над ней был другой потолок. Тёплый свет ложился на стены, а из кухни доносился тихий напев.

Бель медленно повернула голову.

Тим стоял у окна спиной к ней, в домашней футболке, с кружкой в руке. За стеклом светило солнце.

Он обернулся.

— Доброе утро. Ты собираешься сегодня вставать?

Бель смотрела на него.

Несколько секунд она не могла произнести ни слова. Потом откинула одеяло и села.

— Тим?

Он приподнял бровь.

— Что?

Она продолжала смотреть на него, словно пыталась найти в его лице какую-то ошибку. Но всё было на месте: знакомая линия скул, растрёпанные волосы, маленькая складка между бровями.

Тим поставил кружку на подоконник.

— Ты чего?

Бель провела ладонью по простыне.

Тёплая. Мягкая. Знакомая.

— Ничего, — ответила она.

Он подошёл к кровати и наклонился, чтобы поцеловать её в лоб.

— Тогда вставай. У нас сегодня много дел.

Бель закрыла глаза от его прикосновения.

И только после того, как он отошёл, она заметила на прикроватной тумбочке собственный телефон.

На экране высветилось уведомление.

Она не успела прочитать его полностью.

Только несколько слов:

…напоминаем о записи…

Бель отвернулась.

За окном было солнечно. На кухне шумела кофемашина. Тим что-то напевал себе под нос.

Всё было как прежде.

Почти всё.

Потому что теперь Бель помнила холодную комнату, торговый центр и старую кирпичную стену.

И впервые за всё время не смогла убедить себя, что ей это приснилось.

Глава 6

То, что кажется знакомым

Бель проснулась от звука воды.

Несколько секунд она лежала неподвижно, прислушиваясь. Вода шумела где-то за стеной, потом стихла. Послышался скрип дверцы шкафа, негромкий стук, и знакомый голос произнёс:

— Ты опять оставила окно открытым.

Бель повернула голову.

Тим стоял в дверях спальни, застёгивая часы на запястье. На нём была тёмная рубашка, рукава закатаны до локтей. Он выглядел немного сонным и, кажется, уже успел выпить кофе.

— Я не оставляла, — ответила она.

— Тогда у нас в квартире завёлся очень принципиальный сквозняк.

Он подошёл к окну и прикрыл его. Бель смотрела на его спину, на движение плеч под тканью рубашки. Всё было настолько привычным, что ей стало не по себе.

Она знала, что он сейчас обернётся.

Знала, что посмотрит на неё с лёгкой усмешкой и спросит, почему она так на него смотрит.

— Что? — спросил Тим, обернувшись.

Бель отвела глаза.

— Ничего.

Он задержал на ней взгляд, но ничего не сказал. Только подошёл к кровати, наклонился и поцеловал её в висок.

— Я сегодня задержусь. У нас встреча по объекту.

— По зданию?

— А у нас есть ещё одно здание, из-за которого ты готова со мной развестись?

Она улыбнулась, но улыбка вышла запоздалой.

Тим этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Когда за ним закрылась дверь, Бель ещё долго смотрела на пустое место, где он стоял.

Ей вспомнилась фраза, произнесённая несколько минут назад. Не сама фраза — ощущение, будто она уже слышала её. В другой комнате, в другое утро, при другом свете. Она даже могла бы поклясться, что Тим точно так же застёгивал часы, а потом уходил, оставляя после себя запах кофе и едва заметный след парфюма.

Но воспоминание рассыпалось, стоило ей попытаться ухватить его.

Бель поднялась и подошла к окну.

На стекле остался маленький полукруглый след от чьего-то пальца. Она провела по нему подушечкой указательного пальца, стирая запотевшую поверхность.

Почему-то ей захотелось, чтобы Тим вернулся.

Не потому, что она скучала.

Просто ей нужно было кое-что проверить.

В студии было холоднее обычного.

Бель долго настраивала свет, хотя модель уже сидела перед камерой и терпеливо ждала. Она несколько раз меняла положение источника, отходила к монитору, возвращалась обратно. Снимки получались хорошими. Даже слишком хорошими — ровными, красивыми, предсказуемыми.

— Может, попробуем что-нибудь другое? — спросила девушка.

Бель подняла глаза.

— Например?

— Не знаю. Вы же фотограф.

В её голосе не было раздражения, скорее лёгкая улыбка. Бель тоже улыбнулась, но вместо ответа попросила модель повернуться к окну.

Она сделала несколько кадров.

На одном из них девушка смотрела прямо в объектив. В её лице было что-то странно знакомое — не черты, не выражение, а само ощущение чужого присутствия. Будто Бель уже видела этот взгляд и однажды не сумела его запомнить.

Она увеличила изображение на экране.

— Всё хорошо? — спросила модель.

— Да. Просто свет.

Бель закрыла фотографию.

Позже, когда девушка ушла, она пересмотрела снимки ещё раз. На последнем кадре свет падал на лицо под необычным углом, подчёркивая линию скулы и оставляя глаза почти в тени.

Бель вдруг подумала, что Тим бы сказал, будто снимок слишком тёмный.

И почти сразу услышала его голос — так отчётливо, словно он стоял за спиной:

«Ты опять прячешь самое интересное в тени».

Она резко обернулась.

В студии никого не было.

Бель медленно сняла руку с мыши.

Эту фразу Тим действительно говорил ей. Или она только что придумала её сама? Она не могла вспомнить ни случая, ни фотографии, ни разговора. Но интонация была его. Даже та короткая пауза перед последним словом.

Она закрыла ноутбук и вышла из студии раньше, чем собиралась.

Вечером Тим вернулся поздно.

Бель услышала, как он возится с ключами, потом как ставит сумку у двери. Она сидела на кухне с чашкой остывшего чая и смотрела на фотографию здания, которую распечатала несколько дней назад.

Старый фасад. Облупившаяся кирпичная кладка. Узкое окно на втором этаже.

В этом мире здание ещё ждало реконструкции. На снимке оно выглядело почти заброшенным, хотя Бель знала, что за его стенами уже давно кипела работа.

— Ты опять с ним разговариваешь? — спросил Тим, заглянув на кухню.

Она подняла голову.

— С кем?

— С домом. У тебя с ним отношения серьёзнее, чем у нас.

Тим снял куртку и повесил её на спинку стула. Бель перевернула фотографию изображением вниз.

— Ты сегодня был на объекте?

— Был.

— И что?

— Ничего нового. Подрядчики опять перенесли сроки.

Он открыл холодильник, достал бутылку воды и сделал несколько глотков.

— Кстати, завтра поедешь со мной?

— Куда?

— На объект. Хочу показать тебе одну вещь. Может, после этого ты перестанешь считать, что я собираюсь уничтожить здание ради собственного удовольствия.

— Я никогда так не считала.

— Правда?

— Я считаю, что ты иногда слишком увлекаешься тем, что можно исправить.

Тим усмехнулся.

— А ты слишком увлекаешься тем, что нельзя трогать.

Они посмотрели друг на друга. В его глазах мелькнуло знакомое веселье, и Бель вдруг почувствовала почти болезненное облегчение. Вот он. Живой, настоящий, немного раздражающий. Человек, который знает, как она пьёт кофе, как засыпает, почему никогда не дочитывает книги до конца, если они ей действительно нравятся.

И всё же что-то не сходилось.

— Тим, — позвала она.

— М?

— У тебя когда-нибудь было ощущение, что ты уже прожил какой-то день?

Он перестал улыбаться.

— В смысле?

— Ну… что всё это уже происходило. Тот же разговор, те же слова. И ты заранее знаешь, что будет дальше.

Тим поставил бутылку на стол.

— Дежавю?

— Наверное.

— У тебя много работы. И ты мало спишь.

— Это не одно и то же.

— Я не говорил, что одно и то же.

Он подошёл ближе и положил ладонь ей на плечо. Бель накрыла его руку своей.

— Может, тебе стоит на пару дней отложить съёмки? — спросил он. — Просто отдохнуть.

Она хотела ответить, что дело не в работе. Что иногда ей кажется, будто она помнит то, чего никогда не происходило. Что порой собственная квартира выглядит знакомой до мельчайших подробностей, но стоит задержать взгляд на какой-нибудь вещи — и возникает ощущение, будто её здесь быть не должно.

Вместо этого она спросила:

— Ты ведь завтра будешь дома?

— Конечно. Почему?

— Просто так.

Тим поцеловал её в макушку и пошёл переодеваться.

Бель осталась на кухне.

На столе лежала фотография здания. Она перевернула её обратно и посмотрела на кирпичную стену. Внизу, возле самого края кадра, виднелась небольшая выбоина, похожая на полумесяц.

Бель провела по ней пальцем.

И вдруг поняла, что помнит эту трещину.

Не фотографию. Не здание. Не тот день, когда она снимала фасад.

Она помнила, как стояла перед этой стеной в другом свете — холодном, белёсом. Как за её спиной проходили люди. Как где-то рядом звякнула чашка.

А потом — пустота.

Бель подняла голову.

Из спальни доносился голос Тима. Он напевал что-то себе под нос, перебирая вещи в шкафу.

Она смотрела на фотографию и пыталась понять, почему ей так страшно от мысли, что однажды она может вспомнить всё.

И ещё страшнее было оттого, что какая-то часть её уже давно ждала этого момента.

Глава 7

Память вещей

Утро встретило Бель холодом.

Он проникал в комнату сквозь неплотно закрытое окно, оседал на коже тонкой невидимой плёнкой и заставлял сильнее натягивать одеяло. Бель лежала неподвижно, глядя на потолок. На нём пролегала знакомая трещина — тонкая, неровная, похожая на русло высохшей реки, которая однажды решила изменить направление и остановилась на полпути.

Она уже привыкла к этой трещине. Знала, где она начиналась, как изгибалась над люстрой и где терялась за карнизом. Знала даже, что если долго смотреть на неё, отдельные линии начинают складываться в очертания незнакомых лиц.

Впрочем, последнее время ей вообще многое мерещилось.

Бель повернулась на бок. Холодная половина кровати рядом с ней казалась не просто пустой — она словно хранила форму отсутствия. Подушка лежала ровно, покрывало не было смято. Иногда Бель ловила себя на том, что смотрит туда слишком долго, будто ждёт, когда пустота примет знакомые очертания.

Она не помнила, когда перестала заправлять эту сторону кровати.

Наверное, давно.

На тумбочке стоял стакан с водой, рядом лежала книга, которую она начала читать несколько недель назад. Закладка всё ещё торчала где-то в первой трети. Бель открыла её на случайной странице, пробежала глазами несколько строк и закрыла.

Слова не задерживались в голове. Они проходили сквозь неё, как вода через решето, оставляя после себя только смутное ощущение, что она опять что-то упустила.

К полудню она всё-таки заставила себя выйти из дома.

Торговый центр встретил её привычным шумом.

Голоса, музыка из магазинов, запах кофе и выпечки, бесконечное движение людей. Всё это существовало отдельно от неё, словно городская жизнь была огромным механизмом, который продолжал работать даже тогда, когда одна из его деталей давно выпала и затерялась где-то под полом.

Бель шла без определённой цели.

Она остановилась у кофейни, посмотрела на людей за стеклом. Мужчина что-то рассказывал женщине напротив, та смеялась, прикрывая рот ладонью. На столе между ними стояли две чашки. Мужчина протянул руку и поправил выбившуюся прядь её волос.

Бель отвела глаза.

Некоторые вещи казались ей почти неприличными в своей простоте. Чужая близость, случайное прикосновение, привычка делить пространство с кем-то ещё. Будто мир демонстрировал ей то, что когда-то было доступно и ей, не подозревая, насколько жестоко может выглядеть подобная демонстрация.

Она поднялась на второй этаж.

Старая кирпичная стена находилась за стеклянными витринами, в стороне от основного потока посетителей. Её сохранили после реставрации здания, оставив открытой часть прежней кладки. Кирпичи были очищены, швы обновлены, поверхность обработана так, чтобы старина выглядела аккуратно и даже немного нарядно.

Но Бель не нравилась эта аккуратность.

Она подошла ближе. На одном из кирпичей по-прежнему виднелась небольшая выбоина в форме полумесяца. Бель узнала её сразу, хотя не могла бы объяснить, откуда.

Некоторые воспоминания возвращаются не образами, а ощущениями. Они не стучат в дверь и не называют своего имени — просто однажды оказываются рядом, как человек, которого ты когда-то любил и теперь не можешь узнать, хотя сердце уже успело отозваться.

Бель достала телефон и открыла фотографию, сделанную несколько дней назад.

На экране была та же стена.

Она увеличила изображение, рассматривая неровности кирпича, затем приблизила край кадра. В отражении стеклянной витрины виднелась размытая фигура человека.

Бель нахмурилась.

Она совершенно точно помнила, что фотографировала стену одна. Никого рядом не было. По крайней мере, никого, на кого она обратила бы внимание.

Она подняла глаза и посмотрела на витрину.

В отражении за её спиной проходили люди. Мужчина с пакетом, девушка в светлом пальто, ребёнок, который тянул мать за руку. Обычная картина, не заслуживающая внимания.

Бель снова посмотрела на фотографию.

Фигура на снимке уже не казалась ей человеческой. Скорее тёмным пятном, случайно поймавшим свет.

Она убрала телефон.

— Ты опять смотришь не туда.

Бель резко обернулась.

Голос прозвучал совсем рядом. Негромкий, немного насмешливый, с той особенной интонацией, которая почему-то отозвалась в ней сильнее, чем могла бы отозваться знакомая мелодия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.